

Д.Б.Терешкина

ЭЙТЕМИЯ И ЭВФЕМИЗМЫ В РАССКАЗЕ В.ВЕРЕСАЕВА “EUTHYMIA”

Рассматривается поздний рассказ Викентия Вересаева “Euthymia”. Писатель всегда был особенно внимателен к вопросам смерти и переживания ожидания её человеком. Написанный в 1943 году, рассказ “Euthymia” повествует о разном отношении к жизни двух супругов, по-разному встроенных в жизнь. Жена, Люся, всю жизнь борющаяся со множеством болезней и умирающая далеко не старой женщиной, относится к жизни как к высшей ценности, умея проживать каждый её миг, восхищаясь красотой мира, искусством как красотой человеческого духа. Муж, здоровый и успешный архитектор, по сути своей является мрачным человеком, сомневающимся во всём, и прежде всего в своих силах. “Euthymia” — ключевое понятие рассказа, заимствованное из сочинений Демокрита (его сочинения читает накануне смерти героиня) — означает для Люси «радостнодушие», т.е. принятие мира и отсутствие страха перед его испытаниями. В рассказе автор, ни словом не обмолвившись о христианском отношении к бытию, по сути проповедует главные тезисы христианства: смирение перед Божьей волей и любовь к миру, Им созданному. Так в период главенства советской идеологии В.Вересаев, сам сложно относившийся к религии, пишет глубоко христианское по сути произведение.

Ключевые слова: эйтемия, эвфемизм, древнегреческая философия, Демокрит, христианство, искусство, смерть, жизнь

Рассказ “Euthymia” [1] был написан Викентием Вересаевым в конце жизни писателя, в 1943 г., и стал своего рода подготовкой В.Вересаева к смерти.

Рассказ повествует о семейной паре, в которой муж — высокооплачиваемый успешный советский архитектор Леонид Александрович Ахмаров — красив, молод и здоров, а жена, Люся, в молодости заболевшая туберкулезом кишечника, словно вся состоит из «множества болезней и множества несчастий» [1, с. 624]. Обладающая огромной энергией, Люся не могла найти способа ее приложения, и даже детей ей врачи иметь запретили. Муж и жена любят друг друга и любили всю жизнь «сильно и прочно». Рассказ застает супругов в последние месяцы жизни Люси. Леонид Александрович, живя интересной насыщенной жизнью, жалеет Люсю, словно испытывая перед ней вину за её убогую домашнюю жизнь больной. Однако удивительным образом муж почти каждый день испытывает тоску и скуку, тогда как Люся радуется каждой мелочи окружающего её маленького мира дачи, сада, постели, берез, заката солнца. Много читающая, Люся испытывает счастье «при художественных или умственных переживаниях». Сильный успешный супруг становится беспомощным «перед необходимостью всякого решительного действия» и всякий раз спрашивает совета у своей маломощной жены и всякий раз, по его же признанию, укрепляется духом.

Незадолго до смерти Люся просит мужа привезти ей из Москвы сочинения Демокрита. Получив книжку, она до вечера запоем прочитала её, а за ужином рассказывала домашним (в гостях были её племянники, московская вузовская молодежь) суть понятия, введенного Демокритом: эйтэмии. Демокрит, древнегреческий философ, проживший долгую плодотворную жизнь на рубеже V—IV вв. до нашей эры, вводит в философию понятие эвтёмии (эвфёмии, эйтэмии), ставшее в его этической системе центральным понятием, означающим «хорошее расположение духа», к которому необходимо стремиться. Эйтемия определяется как «такое состояние, при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаемая ни боязнью демонов, ни какой-либо другой страстью» [2]. Страх является главным препятствием к эйтэмии, и потому состояние эйтэмии — это состояние свободы от страха. Эйтемия — это «уравновешенность, гармония, размеренность, симметрия, безмятежность, невозмутимость, бесстрашие, благое состояние духа, не тождественное наслаждению» [3]. Люся, переживая это состояние в сильных страданиях умирающего тела, усиленно ищет верный перевод этого слова, объясняя своим домашним: «“Ей” по-гречески значит “хорошо”, “thymia” — “дух”. Переводчик в этой книжке переводит: “хорошее расположение духа”. Хорошее расположение духа!.. Человек вкусно пообедал, закурил сигару, прихлебывает кофе — вот хорошее расположение духа. Но как перевести? “Прекраснодушие”, “благодушие”... Это все у нас уже с совершенно определенным значением. Нужно какое-то особенное слово. По-моему, вот какое: “радостнодушие”» [1, с. 633]. Это умственное и душевное напряжение стало для Люси последним всплеском её угасающих сил. Ночью того же дня, пережив очередной кризис, она стремительно приближается к смерти. Когда пик страданий прошел, она говорит мужу: «А знаешь, Леня, в смерти определенно есть какая-то скрытая радость. И умирать, оказывается, очень интересно. Вдруг настолько становишься выше жизни! Я никак ничего этого не ожидала. Ой, как хорошо!» [1, с. 634]. Последними словами её было чтение стихов Афанасия Фета, провозглашающих красоту летнего жаркого дня. Рассказ завершается словами автора, лишь повторяющими то, что всю свою многострадальную жизнь говорила героиня: «Как хорошо!» [1, с. 635].

В начале статьи мы обозначили рассказ как своеобразную подготовку автора к смерти. Это не исследовательское предположение, грешащее склонностью видеть в любом произведении последних лет некое предчувствие автором собственной смерти. То, что говорится о смерти в рассказе “Euthymia”, имеет прямую переключку с дневниковыми записями Вересаева.

13 февраля 1923 г. писатель делает следующую запись в дневнике: «На жизнь свою оглядываюсь с благодарностью. Судьба была ко мне благосклонна, даже больше, — баловала меня. И самый ценный дар: она дала мне способность знать свое место и не переоценивать себя. Поэтому я почти избавлен был от самых тяжелых страданий, — зависти и обид самолюбия. <...> И вот вдруг заметил в себе: еще чего-то радостно жду. Чего именно? Смерти! Как странно. Смерти я никогда не боялся, страха смерти никогда не мог понять. Но недавно почувствовал: жду ее, как большого, поднимающего, ослепительно-яркого события. Вовсе не в смысле избавления от жизненной тяготы, — жизнь я люблю. Просто сама по себе смерть сияет в сумрачной дали будущего яркою точкою. <...> Смертные муки... Так ли они страшны? А может быть, при неожиданной смерти мы лишаемся переживания такого блаженства, перед которым ничтожны все смертные муки?» [4]. А уже в 1940 году он описывает свое физическое состояние почти таким же, как у своей героини в рассказе “Euthymia”: «Давление крови у меня непрерывно растет, и все меры мало помогают. Сейчас — 210. Совершенно не могу физически работать, что меня всегда так живило. Мало и трудно могу работать умственно: сейчас же начинаются боли в голове. Что ж! Семьдесят три года. Пора и честь знать. Удивительно, как смерть меня мало пугает! Последним желанием Анаксагора было, чтобы в день его кончины ежегодно устраивались детские игры. Я на это не имею права, потому что для детей ничего не сделал. Но я бы хотел, чтобы при моей смерти звучал детский смех, чтобы все кругом улыбались...» [4]. Врач Вересаев говорит о смерти прежде всего не как медик, а как философ и на самом деле как истинно верующий человек.

Отношение Викентия Вересаева к религии можно охарактеризовать как отношение просвещенного интеллигента. «Его родители, Викентий Игнатьевич и Елизавета Павловна Смидовичи, большое значение придавали религиозно-нравственному воспитанию детей, формированию у них чувства ответственности перед людьми и самими собой. Еще в годы учебы в Тульской классической гимназии Вересаев всерьез увлекается историей, философией, физиологией, проявляет живой интерес к христианству и буддизму» [5]. Не вовлеченный в регулярную церковную жизнь, Вересаев — и в своем творчестве, и в жизни (работе, общественной деятельности), — как представляется, придерживался истинного духа Христианства.

По сути, весь рассказ “Euthymia” является эвфемистически изложенным христианским взглядом на мир. Термин «эвфемизм», также древнегреческий по происхождению («благоречие», из др.-греч. εὖ «хорошо» + др.-греч. φῆμι «речь»), обозначает, как известно, «вид тропа, частный случай перифразы: слово или выражение, заменяющее собой (и таким образом смягчающее) резкое, грубое или интимное высказывание» [6, с. 549]. В условиях советской идеологии выражение христианских взглядов считалось сугубо интимным и было опасным, и эвфемизация изложения в этом случае имела социально-политические причины. Исследователь-лингвист Н.В.Пряждильникова пишет о социокультурном контексте употребления эвфемизмов: «Использование эвфемистических выражений обусловлено <...> попыткой закамуфлировать явления или события, способные вызвать общественное осуждение» [7]. В случае с рассказом Вересаева мы имеем дело с социальным аспектом эвфемии, в основе которой «социальные, а именно моральные, религиозные и политические мотивы. Именно под их воздействием прямые наименования предметов и явлений вызывают отрицательную оценку, становятся запретными и заменяются приемлемыми обозначениями» [8]. Религиозный тезаурус в советское время входил в корпус табуированной лексики, и в этом случае мы имеем дело с обратным эвфемизации явлением — дисфемизацией. «Слова-табу, которые также противоположны эвфемизмам, осуществляют прямую номинацию денотата в сфере табу. Дисфемизмы, в отличие от слов-табу, противопоставлены эвфемизмам по оценочности ассоциата: если эвфемизм «улучшает» денотат за счет боле позитивного ассоциата, то при дисфемии все происходит с точностью до наоборот» [8].

Эвфемистические приемы, применяемые В.Вересаевым в рассказе “Euthymia”, многообразны. Эвфемистичным является первое предложение рассказа: «Насмешка судьбы соединила друг с другом самого счастливого человека с самым несчастным» [1, с. 624]. Далее следуют портреты успешного здорового мужа и болезненной жены, на которую словно свалились все невзгоды. Однако по мере прочтения рассказа читатель понимает, что «самым счастливым» в этой паре человеком была как раз многострадальная Люся, а несчастным — Леонид Александрович. В один из дней у Люси был жестокий приступ, и целый день она провела в страшных мучениях. Вечером Люся «лежала успокоенная, с ласковым, измученным лицом. Он тихо целовал ее худые руки. «Трудно тебе, бедная моя!» — «Ну, бедная! Сейчас ничего. Вот утром — да! Пала духом. Тогда стала бедная. А это — самое страшное преступление, какое только можно себе представить...» [1, с. 630]. Люся, не называя его напрямую, говорит о первом грехе верующих — унынии. Именно его воздействие на нее, а не свои страдания она считает достойным сожаления. Когда Люся обращается за духовными силами к русской поэзии, цитирует мужу Тютчева, Фета, писавших об умении восхищаться красотой каждого мгновения мира, «Леонид Александрович думал: “Она настойчиво вырабатывает для себя особую, свою философию преодоления страдания”» [1, с. 631]. Ему совершенно было невдомек, что это не было философией. Физические страдания лишь стали для Люси основой её умения радоваться жизни. И эта радость была предельно искренней, близкой к тому, что в христианстве именуется смирением и радостью во Христе, а более общо — любовью.

Примечательно, что о чертах религиозного отношения к жизни автор говорит применительно к своему герою, Архарову, а точнее, к его творческой деятельности. «Творчество Леонида Александровича дышало мужеством и благоговейною, чисто религиозною любовью к жизни. Но сам он был к жизни мрачно равнодушен, она не зажигала его, в будущем он опасливо ждал от нее самого плохого» [1, с. 629]. Божья искра

была у архитектора, но и она рисковала исчезнуть в его унынии повседневности. Недаром Люся опасалась именно этого, говоря мужу: «Леня, дорогой мой, как бы я хотела, чтобы ты почувствовал, сколько в этом счастья! А ты все измысливаешь себе каких-то “демонов”! Ой, как я боюсь: вдруг эти демоны прокрадутся и в твоё творчество!..» [1, с. 634]. Так же эвфемистически Люся говорит о том, что у христиан называется Страшным Судом: «Вот погоди! Вдруг какому-нибудь там верховному существу взбредет в голову мысль устроить суд над людьми. Тогда оно тебе скажет: “Тебе было дано в жизни так много, а как ты к этому относишься? Ничего не замечал”. И даст оно тебе подзатыльник, и ты кувырком полетишь в бездну скуки, ничтожества и равнодушия. И поделом тебе будет!» [1, с. 630].

В рассказе В.Вересаева использовано большинство из имеющихся типов эвфемизмов: лексические, грамматические, стилистические, образно-композиционные. Последний вид эвфемизации речи наблюдается и в следующем высказывании: «Сама несчастная, кругом обделенная жизнью, Люся была подлинною музою Леонида Александровича, вдохновлявшего его на бодрость и радость» [1, с. 630]. Не музой была Люся своему впадавшему в уныние супругу, видит в подтексте русскоязычный читатель, встроенный в православный контекст бытия, а святой Февронией, ведущей супруга к Богу, хотя и не знавшей об этом.

Эвфемистическим изображением ухода героини в иной мир является упоминание стихотворения А.А.Фета «Как здесь свежо под липою густою...». В этом небольшом шедевре поэт сумел передать движение взора человека в горние сферы, где «синют неба своды». Туда, к не известному, но чувствуемому героиней, Небесному, уходит ее душа.

Применительно к рассказу В.Вересаева “Euthymia” можно указать современное определение эвфемизма как «речевого акта». «Перлокутивная составляющая речевого акта «эвфемизм» заключается в благоприятном воздействии смягченной речи на собеседника, в эффекте эмоционального сближения собеседников» [8]. Название рассказа (эйтема) аллюзией к однокоренному слову (эвфемизм) подсказывает: то, о чем в нем говорится, «зашифровано» в приличествующих времени словах, истинный смысл которых открыт человеку, понимающему, что Бог есть там, где прямо о нем не говорят, но Его чувствуют.

1. Вересаев В.В. “Euthymia” // Антология русского советского рассказа (40-е годы). М.: Современник, 1987. С. 624-635.
2. Демокрит. «Высказывания» [Фрагмент из книги «Философская мысль: от истоков до наших дней». Часть I. Нижний Новгород, 1997] [Электр. ресурс]. URL: <http://ritz-btr.narod.ru/dem.html> (дата обращения: 25.06.2019).
3. Материализм в учении древнегреческих атомистов [Электр. ресурс]. URL: <http://mirznaniy.com/a/230006-4/materializm-v-uchenii-drevnegrecheskikh-atomistov> (дата обращения: 25.06.2019).
4. Вересаев В.В. Из книги «Записки для себя» [Электр. ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0370.shtml (дата обращения: 25.06.2019).
5. Быстров В.Н. Викентий Викентьевич Вересаев [Электр. ресурс]. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/weresaev_vv.php (дата обращения: 25.06.2019).
6. Литература и язык: Энциклопедия. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. 584 с.
7. Прыдильникова Н.В. Эвфемизация речи в социокультурном аспекте // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2006. № 3. С. 146.
8. Монгуш Ш.Г. Эвфемия как речевая стратегия (На материале художественной литературы) [Электр. ресурс]. URL: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/212291-1-2-soderzhanie-vvedenie-glava-yavlenie-efemii-lingvisticheskoy-literature8-analiz-sostoyaniya-po.php> (дата обращения: 25.06.2019).

References

1. Veresaev V.V. “Euthymia” [“Euthymia”]. Antologiya russkogo sovetskogo rasskaza (40-e gody). Moscow, 1987, pp. 624-635.
2. Demokrit. “Vyskazyvaniya” [Fragment iz knigi “Filosofskaya mysl': ot istokov do nashikh dney”. Chast' I. Nizhniy Novgorod, 1997] [Democritus. “Quotes” [Fragment from “Philosophical Thought: From Beginning to Present Day”] Part I. Nizhny Novgorod, 1997]]. Available at: <http://ritz-btr.narod.ru/dem.html> (accessed: 25.06.2019).
3. Materializm v uchenii drevnegrecheskikh atomistov [Materialism in the teachings of Ancient Greek atomists]. Available at: <http://mirznaniy.com/a/230006-4/materializm-v-uchenii-drevnegrecheskikh-atomistov> (accessed: 25.06.2019).
4. Veresaev V.V. Iz knigi “Zapisi dlya sebya” [Veresaev V.V. From the book “Records for myself”]. Available at: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0370.shtml (accessed: 25.06.2019).
5. Bystrov V.N. Vikentiy Vikent'evich Veresaev [Vikenty Veresayev]. Available at: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/weresaev_vv.php (accessed: 25.06.2019).
6. Literatura i yazyk: Entsiklopediya [Literature and language: Encyclopedia.]. Moscow, 2007. 584 p.
7. Pryadil'nikova N.V. Evfemizatsiya rechi v sotsiokul'turnom aspekte [Speech euphemization in social and cultural aspect]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta, 2006, no. 3, p. 146.
8. Mongush Sh.G. Evfemiya kak rechevaya strategiya (Na materiale khudozhestvennoy literatury) [Euphemia as a speech strategy (based on the discourse of fiction)]. Available at: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/212291-1-2-soderzhanie-vvedenie-glava-yavlenie-efemii-lingvisticheskoy-literature8-analiz-sostoyaniya-po.php> (accessed: 25.06.2019).

Tereshkina D.B. Euthymia and euphemisms in the story by V.Veresaev “Euthymia”. The article deals with the late story of Vikenty Veresaev “Euthymia”. The writer has always been particularly attentive to the issues of death and the experience of man’s waiting for her. Written in 1943, the story “Euthymia” tells the story of a different attitude to the life of two spouses, differently built into life. The wife, Lucy, all her life struggling with many diseases and dying is not an old woman, refers to life as the highest value, being able to live every moment of it, admiring the beauty of the world, art as the beauty of the human spirit. The husband, a healthy and successful architect, is essentially a gloomy man who doubts everything, and above all in his abilities. “Euthymia” — a key concept of

the story, borrowed from the works of Democritus (Lucy reads them before her death) — means for her “joyous”, i.e. acceptance of the world and no fear of his trials. In the story the author, without saying a word about the Christian attitude to life, in fact preaches the main theses of Christianity: humility before God's will and love for the world He created. So in the period of the supremacy of the Soviet ideology V.Veresaev, himself difficult to relate to religion, writes a deeply Christian work in fact.

Keywords: euthymia, euphemism, ancient Greek philosophy, Democritus, Christianity, art, death, life.

Сведения об авторе. Дарья Борисовна Терешкина — доктор филол. наук, профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал); ORCID: 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.